

ВАЛЬС ДЛЯ НАТАШКИ

Наташка крепко прижимает к себе жирафа Леньку и шепчет:

— Только не спать, только не спать.

Да, сейчас она очень боится заснуть — ведь завтра день ее рождения и ей так хочется поймать ту минутку, когда исполняется целых шесть лет, когда вырастает сразу на целый год.

Перед тем как лечь, она попросила отца сделать отметку на двери. Стояла она често — даже не поднялась ни разу на цыпочки, и черная карандашная черточка припала чуть ниже дверной ручки. Интересно, где будет эта смешная черточка завтра — утром Наташка обязательно измерится опять...

Но сейчас нужно закрыть глаза и притвориться спящей — отец подходит к ее кровати. Глаза не хотят закрываться, хочется засмеяться, и поэтому пришлось перевернуться на живот и уткнуться в подушку.

Отец что-то положил рядом с ее кроватью.

Наташка уже знает — это подарок. Большой сверток, завернутый в целлофан и перевязанный красной шелковой лентой. Отец прятал сверток в шкафу, но ее не проведешь — она сразу поняла, что это подарок.

Но что же там? Может, кукла? Может, смешной надувной крокодил? Интересно бы посмотреть. Но сейчас ей некогда, и она потерпит до утра.

Отец выключил лампу, и стало совсем темно. Раньше Наташка боялась темноты и даже визжала от страха. Теперь же приятно чувствовать себя большой и сильной. Пусть будет совсем-совсем темно — ей ни капельки не страшно. Она может даже встать и, не зажигая света, пойти на кухню или в ванную. Только неохота...

В соседней квартире медленно начали бить старинные часы и Наташка про себя считает их удары.

Где она слышала, что день рождения наступает ровно в двенадцать часов ночи, Наташка забыла, но это уж точно, и поэтому теперь нужно вытерпеть и не заснуть...

Но целый, целый час — как еще долго...

— Но я не знаю, с чего начать,— сказал я.

Наташка удобнее устроилась у меня на руках и зашептала в ухо:

— Далеко-далеко, за высокими горами, за глубокими морями жил-был Король.

— Далеко-далеко, за высокими горами, за глубокими морями жил-был Король,— повторил я, совершенно не зная, что сказать дальше.

— Ну что же ты молчишь? Даже это не умеешь,— сказала Наташка, и я понял: еще секунда и она заплачет.

В наше окно заглянула луна и вдруг расстелила по комнате серебряную фольгу.

Я посмотрел в Наташкины блестящие, наполненные слезами глаза, и начал снова:

— Далеко-далеко, за высокими горами, за глубокими морями жил-был Король.

— И у него были усы,— быстро подсказала Наташка.

— Хорошо, пусть. И у него были усы. Я знал, почему она сказала про усы. Мой товарищ Алексей носил роскошные усы, и Наташка обожала, забравшись к нему на колени, наматывать на пальцы пушистые завитки.

— А когда Король пил водку, как ты с дядей Лешей, то пел песню «Отговорила роща золотая».

— Наташка,— обиделся я.— Во-первых, мы не пьем водку, ну ладно, иногда и чуть-чуть, а во-вторых, не буду больше рассказывать сказку, раз ты такая умная,

— Не будешь рассказывать — я буду долго болеть, потом умру и тебе больше никто не будет выгирать пыль и мыть посуду.

Я испугался и стал думать, что бы еще сделать с этим проклятым Королем...

— Жил Король в большом красивом дворце из сорока шести комнат.

— Нет,— перебила Наташка.— У Короля не бывает столько комнат. Он живет в двухкомнатной квартире, как мы.

— Наташка,— возразил я.— Сказочным Королям всегда полагается жить во дворцах.

Но Наташка со мной не согласилась.

— Этот Король живет в двухкомнатной квартире. Я была у него в гостях. Там очень много игрушек, а в ванной из крана течет вкусный-вкусный лимонад. И еще у Короля есть белый щенок с золотыми веснушками.

— Не бывает щенков с веснушками.

— Нет, бывает,— обиделась дочь.— Бывает, бывает. Мне он снится каждую ночь. И играет со мной. И Король тоже со мной играет. Мы бегаем по лесу и догоняем друг друга. А когда я устаю и сажусь на землю, щенок подходит, лижет меня и говорит: «Ну поиграй еще со мной, ну поиграй, пожалуйста. Ведь мне так долго приходится ждать, пока наступит ночь и я вновь тебе приснюсь». И мы снова начинаем играть... А потом я иду к Королю в гости. Король закуривает трубку, пускает дым кольцами и начинает рассказывать разные удивительные истории. А когда мне нужно проснуться, я говорю им: «До свидания. Пожалуйста, приходите ко мне в следующем сне».

— Как зовут твоего щенка?

— Просто щенок. Белые щенки с золотыми веснушками получают имя, когда становятся взрослыми. Щенок сказал: «Когда я вырасту, придумай мне самое красивое имя...» А теперь, папа, положи меня в постель. Я хочу, чтобы они быстрее приснились...

Наташка зажмурила глаза, ровно задышала. Прошла минута, другая, я заметил, что уголки ее губ начали приподниматься, рот приоткрылся.

Наташка что-то зашептала во сне, и я понял, что она вновь встретилась с Королем и своим щенком с золотыми веснушками.

ДЕНЬ, ПОЛНЫЙ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

— Наташка,— сказал я за завтраком.— Сегодня воскресенье, но мне придется пойти на работу. Что же с тобой делать?

— Не волнуйся,— ответила дочь.— Вечно ты обо мне волнуешься. Это я должна о тебе волноваться.

— Делать нечего, ладно, оставайся дома.Только поешь вовремя.Что-то ты похудела за последнее время. Одни кожа да кости остались.

— Ничего ты не понимаешь,— не согласилась со мной дочь.— В саду все говорят, что у меня французская фигура. Это сейчас очень модно.

— Эта мода уже кончилась,— сказал я.— Сейчас во Франции модны очень даже упитанные дети.

— А ты точно знаешь?

— Конечно. Даже по телевизору сообщили.

— Что-то не слышала,— недоверчиво проговорила Наташка.— Ну ладно, тогда доем торт и выпью два стакана компота. А ничего, что тебе торт не достанется? Тебе же не нужно полнеть. Ты ведь и так упитан.

Я не стал спорить, поцеловал дочь, на ходу дожевывая кусок колбасы и пошел на работу...

Наташка подошла к окну. Во дворе не происходило ничего интересного. Было лишь десять часов и, наверное, ее друг Вадик, еще спал. Но вот кто-то вышел из соседнего подъезда. Наташка открыла окно настежь, перегнулась через подоконник. А-а, она вспомнила! Вчера, когда она гуляла, к соседнему подъезду подкатила машина, доверху наполненная вещами.

«Смотри, Наташка, новые жильцы въезжают,— сказала тогда соседка Мария Степановна.— И мальчик там есть. Друг тебе еще один будет».

Наташка увидела мальчика. Он стоял рядом с машиной и прижимал к себе большую черную папку. Наташка хотела подойти посмотреть, что это он прижимает к себе,— может интересное что-то, но тут ее позвал отец и пришлось идти домой...

Наташка вышла в коридор, сняла с гвоздя ключ от квартиры, положила в карман, захлопнула за собой дверь и стала спускаться по лестнице. На площадке второго этажа она увидела Катю.

— Я хочу с тобой серьезно поговорить,— сказала Наташка.— Передай своему знакомому, что если он будет мучить кошек, ему хуже будет.

— Что ты, Наташка! Вечно все выдумываешь. Очень нужны ему кошки. Он весь день на мопеде гоняет. Хочешь, попрошу, тебя тоже покатает?

— Не нужен мне его мопед. И на твоём месте я бы вообще перестала с ним дружить.

— А тебе какое дело,— обиделась Катя.— Я уже в шестом классе учусь, и не собираюсь слушать такую малявку, как ты...

Наташка вышла во двор. Настроение было совсем испорчено из-за этой Катюшки. И тут она вспомнила совет своего друга Вадика.

— Наташка,— говорил он,— когда у тебя плохое настроение, подерись с кем-нибудь. Это всегда здорово помогает!

Наташка уважала Вадика. Он быстрее всех влезал на деревья и заборы, дальше всех кидал камни. Как же можно было не уважать такого талантливого человека? Правда Наташка еще никогда не исправляла настроение таким способом, но попробовать было надо, и она подошла к мальчику.

Она глубоко засунула руки в карманы джинсов, изо всех сил прищурила глаза и сказала басом:

— Ты почему сидишь на моей скамейке?

Но мальчик почему-то не стал говорить: «А тебе какое дело?», как отвечали все другие ребята. Он встал и произнес совсем другие слова:

— Извини, пожалуйста. Я не знал, что это твоя скамейка.

«Да,— подумала Наташка.— Очень необычный мальчик». Но настроение пока не исправлялось и она решила попробовать еще раз. К чему бы еще придрататься? Но в голову ничего не приходило, и она просто вытащила руку из кармана, сжала ее в кулак и ткнула мальчика в бок.

Затем отскочила назад и приняла боксерскую стойку, как учил ее Вадик. Но мальчик вдруг молча повернулся к ней спиной и пошел к своему подъезду.

— Стой! — кричала Наташка.— Почему ты со мной не дерешься? Ты, наверное, трус. Трус!

— Нет,— сказал мальчик.— Я не трус. Просто мне нельзя драться. Я музыкант.

— Музыкант...— удивилась Наташка.— А на какой музыке ты играешь?

— На фортепиано. И уже за второй класс.

Да, это был совершенно необыкновенный мальчик.

— Как тебя зовут? — спросила Наташка.

— Альберт.

И имя у него было необыкновенное!

— А меня Наташка... Знаешь, ты, Альберт, теперь во дворе никого не бойся. Я лично буду тебя защищать.

— А я тебя научу играть на фортепиано. Хочешь?

— Конечно. Когда начнем?

— Хоть сейчас.

Они вошли в подъезд, поднялись по лестнице и Альберт нажал кнопку звонка.

— Мама, это Наташка,— сказал Альберт.— Мы с ней уже подружились.

— Очень хорошо,— похвалила мама.— Пока поиграйте во что-нибудь, а я обед приготовлю.

— Смотри, это моя комната,— объяснил Альберт.— Только в ней еще беспорядок.

— Не волнуйся, вы же только вчера переехали,— успокоила его Наташка.— А чей портрет на стенке висит? Твоего дедушки?

— Что ты, Наташка! Это великий композитор Чайковский. Вот, послушай, эта пьеса называется «Болезнь куклы».

Альберт сел за фортепиано и начал играть.

— Ну как, понравилось? — поинтересовался он.

— Вообще-то от Чайковского я большего ожидала,— сказала Наташка.— А что, он сочинял только грустную музыку?

— Нет, почему, например «Танец маленьких лебедей» очень даже веселая пьеса.

— Эту вещь я знаю,— обрадовалась Наташка.— Под нее настоящие балерины танцуют! А для чего большая черная папка нужна?

— Там ноты лежат. Я с ней в музыкальную школу хожу.

— Хочу тебя попросить,— сказала Наташка,— когда в следующий раз пойдешь в музыкальную школу, можно за тебя папку понести?

— По-моему очень вкусный кисель получился,— мама Альберта вошла в комнату с двумя стаканами в руках.— Ну-ка, налейте!

Наташка взяла стакан, подошла к окну. И вдруг, резко повернувшись, побежала к двери.

— Беги за мной! — крикнула она Альберту.— Он опять кошку мучает!

— Куда вы? — спросила мама Альберта.— Допейте хоть кисель, сумасшедшие!

Но они уже через две ступеньки неслись вниз по лестнице...

Возле третьего подъезда, где выбито стекло, стоял красивый красный мопед. Рядом с ним второгодник Максимов из соседнего дома держал кошку за хвост. Голова ее моталась внизу, кошка отчаянно мяукала и извивалась, стараясь освободиться.

— Отпусти кошку, отпусти! — закричала Наташка. — Ты зачем ее мучаешь?!

— А тебе какое дело? Твоя она, что ли?

— Ты... Ты... Живодер, — тихо сказала Наташка.

— Что? Сейчас получишь за живодера! — Максимов толкнул Наташку и она отлетела в сторону.

— Не смей обижать женщин! — крикнул Альберт, подбегая. Он сжал кулаки и бросился в атаку. Но через секунду оказался на земле рядом с Наташкой.

Наташка вскочила, утерла рукавом слезы и вдруг, подняв камень, бросилась к мопеду.

Удар — и на красивом лакированном баке образовалась вмятина.

Удар — и вдребезги разлетелась фара.

— Ты что делаешь!!! — заорал Максимов.

— Отпусти кошку, — сказала Наташка. — А то совсем разобью.

— Ладно, забирай свою паршивую кошку, — сказал Максимов. — Вечером я к твоему отцу приду. Пусть за ремонт мопеда заплатит!

Он отпустил кошку, завел мопед и уехал...

— Какая ты смелая, — сказал Альберт. — А я испугался.

— Если честно-честно, — призналась Наташка, — мне тоже страшно было...

Смотри, у кошки что-то с лапой случилось!

— Кошка сидела посередине двора, облизывала переднюю лапу и жалобно мяукала.

— Отнесем ко мне, — предложила Наташка, и взяла кошку на руки.

— Когда у меня что-то болит, — сказал Альберт, — мама всегда дает мне порошки.

— И мой папа меня также лечит, — подтвердила Наташка.

Она выдвинула ящик серванта и достала большую картонную коробку.

— Смотри, сколько у нас разных лекарств, — сказала она. — Только как узнать, какие кошке нужны?

— Давай их все смешаем, — предложил Альберт. — Один из них обязательно поможет... Смотри, твой отец пришел!

— Что тут у вас происходит? — поинтересовался я, входя в комнату.

— Мы кошку лечим, — объяснила дочь. — Смотри, какая пушистая.

— Кажется, сегодня у вас был день, полный приключений? — заметил я.

— Ты садись. Мы тебе сейчас все расскажем, — сказала Наташка.

КАЖДЫЙ ОХОТНИК ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ, ГДЕ СИДИТ ФАЗАН

Большой белый голубь вдруг резко взлетел с ветки старого тополя и кругами начал ввинчиваться в небо.

Наташка козырьком приложила ладонь к глазам и, щурясь на оранжевое солнце, сидящее на крыше соседней девятиэтажки, спросила:

— Интересно, куда это он полетел?

Я на секунду оторвался от газеты «Советский спорт» и, не думая, пробормотал:

— М-м... Наверное, в теплые края.

— В Африку? — мгновенно догадалась дочь.

— Почему именно в Африку?

— Потому что Африка самое теплое место на земле. И потом, расскажи, пожалуйста, что-нибудь про голубей!

Я напрягся и постарался хоть что-то вспомнить из прошлогодней передачи «В мире животных».

— Голуби бывают разных видов,— медленно начал я.— Например, почтовые. В старину, когда не существовало современных средств связи, они доставляли важные сведения... Э-э, есть еще турманы, лохмачи...

— Ага! — обрадовалась Наташка.— Лохмачей я у рыжего Петьки видела. На его крыше все голуби лохматые.

— На какой крыше?

— Ну, где Петькина голубятня.

— Ты что, на крышу лазила? — испуганно спросил я.

— Ты, папа, не волнуйся,— успокоила меня Наташка.— Высоты я ни капельки не боюсь. Петька даже говорит, что поэтому меня можно в отряд космонавтов зачислить.

— Наташка, ну что тебе на крыше делать?— попытался я уговорить дочь.— Оттуда ведь свалиться можно... Представь себе, можно!— строго закончил я, увидев, что дочь собирается спорить.

— А хочешь, я тебе тайну открою? — вдруг сказала Наташка.— Только обещай, что никому-никому не расскажешь. Я кивнул. Наташка наклонилась ко мне и прошептала:

— На этой крыше «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан» живет.

— Кто, кто? — переспросил я.— Какой еще охотник?

— Который желает знать, где сидит фазан! Ну, присказка есть такая. Чтобы легче запомнить.

Я отложил газету и насторожился. Наташка презрительно посмотрела на меня и произнесла:

— Ты что, никогда маленьким не был? Этой присказке, наверное, уже лет сто... Слушай!.. Красный. Оранжевый. Желтый. Зеленый. Голубой. Синий. Фиолетовый. А вместе: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан!» Теперь понял?

— Так это радуга! — догадался я.

— Конечно. Она на этой крыше и живет.

— Не выдумывай. Совершенно не может быть, чтобы радуга жила на какой-то там крыше! Радуга — сложное физико-оптическое явление, возникающее при разложении белого света на составные цвета спектра,— попробовал объяснить я.

Наташка задумалась, потерла лоб и не согласилась!

— Никакое она не явление. Она совсем как живая и вся переливается. А появляется, как только присказку произнесешь.

— Знаешь что, Наташка!— разозлился я.— Ты мне голову не морочь. Надоело выслушивать твои фантазии! Лучше займись делом. Вон в раковине немытая посуда с утра стоит. А сегодня на кухне твое дежурство!

— Не веришь?! — обиженно произнесла Наташка.— Фантазиями обзывается? Тогда давай, собирайся!

— Куда? — не понял я.

— На крышу. К радуге в гости. И если я все-все наврала, то... то... то пусть со мной никто и никогда не дружит. А посуду, не бойся, я и так вымою!

— Хорошо,— сделал я последнюю попытку.— Но зачем же лезть на крышу? Ведь радугу вполне можно с земли наблюдать.

— Как ты не понимаешь? Мы к ней в гости собираемся. А в гости всегда домой ходят!..

Я вытащил с антресолей старые кеды, надел их, закрыл дверь и догнал Наташку уже в подъезде.

Пока мы шли к соседней девятиэтажке, на солнце наползла похожая на лохматого пуделя с разинутой пастью туча, и мне на щеку упала прозрачная дождевая капля.

— Ой! — сказала Наташка. — Сейчас дождь пойдет.

Я поднял голову.

Тучу насквозь пробивали солнечные лучи, она съеживалась и таяла прямо на глазах, разбрасывая по сторонам редкие тяжелые дождевые капли.

— Наташка, смотри, слепой дождь, — удивился я. — А я и забыл, когда последний раз его видел...

Лифт в девятиэтажке не работал. Мы поднялись по лестнице до самого конца и через раскрытый чердачный люк выбрались на крышу.

— Иди за мной, — сказала Наташка и прошла вперед. Она обогнула торчащие во все стороны телевизионные антенны, забытый строителями ржавый железный бак, пустую Петькину голубятню, подошла к краю крыши и взяла меня за руку.

Далеко внизу виднелся наш двор. На скамейке, возле песочницы, еле видные сверху, сидели пенсионеры и играли в лото.

— Каждый охотник желает знать, где сидит фазан! — громко произнесла Наташка.

Мы посмотрели вокруг, но все осталось также, как и раньше.

Тогда Наташка набрала полную грудь воздуха и закричала изо всех сил:

— Каждый охотник желает знать, где сидит фазан!!!

Гулкое эхо заметалось по крыше, отскочило от нее, отвесно ударило вверх и, тут же, сверху, неожиданно, вдруг протянулись красные, оранжевые, фиолетовые полосы. Сначала тусклые, они с каждым мгновением разгорались и разгорались, складываясь в тугой семицветный жгут.

Огромная радуга упиралась прямо в нашу крышу и ярко и радостно светила нам с Наташкой.

Мы стояли молча и боялись дышать, чтобы не спугнуть ее...

Радуга давно истаяла и пропала, а я все вглядывался в небо, стараясь заметить и вернуть хоть кусочек этой цветной небесной смальты, частичку и моего полузабытого детства...

Но небо было пустым и чистым...

Лифт в девятиэтажке по-прежнему не работал, и мы, переглянувшись, два пролета проехали на лестничных перилах.

— Пап, а пап, — сказала Наташка. — А пусть эта радуга будет наша. Ну просто наша, и все!

Я согласно кивнул.

Мы уже подходили к своему подъезду, когда любопытный сосед Сурен Вазгеныч подозрительно взглянул на нас и поинтересовался:

— Вах! Зачем на чужую крышу лазить?

Наташка незаметно хитро мне подмигнула и произнесла:

— А мы знакомым антенну чинили. Вот!

ФРЕГАТ

— Ну и жарит сегодня! — вздохнула Наташка, вытирая полотенцем взмокший лоб. Хотя наши окна были раскрыты настежь, воздух в комнате был горячий и душный.

— Интересно, сколько сегодня градусов? — поинтересовался я, взглянув на термометр, висевший за оконной рамой. — Ого, тридцать четыре! Давно такой жары не было.

— Пап, пошли купаться? — предложила Наташка. — Все равно в такую погоду ничего делать нельзя.

Только с условием, что сначала выпьешь стакан молока.

— Ну, ладно,— неожиданно легко согласилась дочь. Она взяла треугольный молочный пакет, аккуратно надрезала ножницами и, запрокинув голову, начала пить.

— Из стакана же удобнее,— заметил я.

Но Наташка со мной не согласилась. Она на секунду оторвалась от пакета и произнесла:

— Зато так вкуснее...

Арык, где мы с Наташкой всегда купались, протекал неподалеку от нашего дома. Вода в нем была желтоватая — наверное, от глинистых берегов, по которым росла дикая ежевика.

Мы поплескались в прохладной воде и вылезли загорать.

Дочь что-то задумчиво чертила по земле, а потом вдруг спросила:

— Интересно, куда течет арык?

— Разве не знаешь? Он за парком культуры впадает в канал Бурджар.

— Да я не об этом! А о том, в какое место из него вообще попасть можно?

Я подумал и уверенно сказал:

— В Аральское море.

— Ну да! Так сразу и в море.

— Конечно, не сразу. Послушай... Наш арык впадает в канал Бурджар. Бурджар — в Чирчик, где всегда холодная вода и много водоворотов. И только потом будет большая река Сырдарья, которая через весь Узбекистан течет на север, в Аральское море.

Дочь перевернулась на живот, опустила руку в воду — маленький тополиный листок уперся в Наташкину ладонь, постоял так, будто отдыхая, потом медленно и неуклюже поплыл дальше.

— Пап, ты когда-нибудь видел море?

— К сожалению, нет,— честно признался я.— Не приходилось.

— Ну, а хоть что-нибудь можешь про него рассказать?

Я напрягся и попытался освежить в памяти полузабытые книги про пиратов и кругосветные путешествия... Но ничего не вспоминалось и я медленно начал:

— Э-э... Морей на земле очень много. Белое. Черное. Желтое. Красное...

— А оранжевое есть? — перебила Наташка.

— Оранжевого нет.

— Жаль. Это мой самый любимый цвет... Может, такое море просто еще не открыли. Как ты думаешь?

Я не стал спорить и продолжил:

— На море бывают приливы и отливы. Штормы — когда очень сильный ветер, и штиты — если ветра нет совсем.

— А я слышала как море поет,— сказала дочь.

— Где?

— Павлику из двадцать седьмого дома из самой Феодосии раковину прислали. Большую, красивую из настоящего перламутра. Мы ее по очереди к уху прикладывали. Внутри нее море и живет. И поет тихонечко-тихонечко. Ч-ш-ш-ш-ш. Ч-ш-ш-ш-ш-ш... Только потом раковина куда-то задевалась... Папа, а какие корабли по морю плавают?

— Разные. Крейсера. Эсминцы. Подводные лодки. Ледоколы. Пассажирские лайнеры...

— И фрегаты тоже? Я их на почтовой открытке видела.

— Что ты, Наташка. Фрегатов давным-давно не существует.

— Почему?

— Они просто не нужны. Ведь это парусные корабли и движителем для них служит ветер... Теперь представь, что будет, если на море установится штиль?

Наташка наморщила лоб и сразу догадалась:

— Наверное, как троллейбусы и трамваи, когда в проводах кончается ток.

— В принципе верно,— похвалил я ее...— Только знаешь, мне самому жаль, что эпоха парусного флота закончилась. Наверное, это было прекрасное зрелище. Корабль с наполненными ветром парусами...

— А ты умеешь строгать и вырезать? — вдруг спросила Наташка.

— Зачем? — удивился я.

— Вчера прекрасную деревяшку нашла. Так и знала, что пригодится.

— На что пригодится? — насторожился я.

— Я уже все продумала! Из нее получится отличный фрегат. А за паруса не беспокойся — у меня материи сколько хочешь наберется.

— Послушай,— сказал я.— Ну зачем нам делать какие-то там фрегаты?.. Если ты так хочешь иметь корабль, давай купим. Я недавно в магазине видел прекрасную модель торпедного катера.

— Как ты не понимаешь! Ведь гораздо интереснее все делать своими руками.

— Ну хорошо,— сдался я.— Придется нам с тобой открыть дома небольшую судовой верфь.

И мы стали собираться...

Я повертел в руках Наташкину деревяшку, карандашом нанес отметины, распилил ножовкой, потом вытащил из ящика с инструментами стамеску. Ее стальная головка легко входила в дерево и выбирала тонкие стружки.

— Ой,— сказала Наташка,— какой у фрегата красивый нос получается. Только зачем ты в нем дырку сверлишь?

— Это важная часть у всех парусных кораблей. В отверстие мы потом вставим бушприт. На нем крепятся носовые паруса... Кстати, скоро они понадобятся.

— Надо же, чуть не забыла,— встрепенулась Наташка.— Сейчас коробку из шкафа достану, в ней столько материи, на сто парусов хватит.

Пока дочь возилась в соседней комнате, я закончил корму, зачистил корпус шкуркой, вырезал мачты, крепко, чтобы не шатались, вогнал их в пазы, стряхнул с брюк деревянную крошку, взял кораблик и подошел к окну.

Я даже не ожидал, что он получится так удачно!

С острым носом и узким корпусом, он чем-то напоминал старинные фрегаты и чайные клипера.

— Наташка,— позвал я.— Ну где же ты?

— Иду,— отозвалась она и тут же появилась с целым ворохом разноцветных обрезков и лоскутков.

— Откуда столько?— удивился я.

— Мне их мать Альберта дала. Она портнихой работает... Ой, неужели уже все готово?

— Не совсем. Наш корабль еще нужно оснастить парусами.

— А я уже выбрала для них самую лучшую материю... Смотри!

И Наташка протянула кусок черного бархата.

— Правда красиво? Из него мать Альберта одной артистке платье сшила.

— Кто же паруса делает из бархата? — рассмеялся я.— На них идет обыкновенная парусина. Вон у тебя как раз кусок.

Мы аккуратно нарезали паруса, прикрепили к мачтам и Наташка сказала:

— А самое главное забыли!

— Что?

— Каждый корабль имеет название, а наш нет.

— Правильно,— согласился я.— Ну и как же назовем?

— Можно я сама?

Я кивнул.

Наташка достала свои любимые фломастеры, на минутку задумалась и, высунув от напряжения кончик языка, большими печатными буквами вывела на борту: ФРИГАТ.

— Так корабли не называют,— возразил я.— И потом ты ошиблась. Нужно писать «фрегат».

— Но мы же хотели, чтобы у нас был настоящий фрегат,— не согласилась со мной Наташка.— И если он не будет так называться, никто об этом и не догадается. А что ошибка, теперь я всегда буду помнить, что слово фрегат — через «е» пишется... Пап, а пап, ты не будешь ругаться, если я одну вещь скажу? Давай наш фрегат опустим. Может, он до самого Аральского моря доплывет...

Когда мы вышли из дома, оказывается, было уже совсем темно. Наташка шла чуть впереди и бережно прижимала к себе наш кораблик. Мы пересекли пустырь и спустились к арыку.

В нем отражалась луна и окрашивала медленную воду в серебристый цвет.

Наташка присела на корточки, осторожно спустила фрегат в воду.

— Ой, смотри, ветер! — удивилась она.

Неизвестно откуда вдруг появившийся ветерок растрепал Наташкины волосы, прошелестел в кустах ежевики, надул паруса нашего кораблика, и он, как натянутая струна, задрожал под Наташкиными пальцами.

— Счастливого пути! — сказала Наташка и разжала пальцы.

Фрегат секунду помедлил, словно прощаясь с нами, мгновенно набрал скорость и понесся по блестящей серебряной воде.

Мы стояли и смотрели ему вслед.

Ему предстояла долгая трудная дорога.

Из арыка, за парком культуры попасть в канал Бурджар, плыть по быстрому Чирчику, где всегда холодная вода и много водоворотов. И только потом будет большая река Сырдарья, которая через весь Узбекистан течет на север в Аральское море.

